

УДК 342

Судейское усмотрение: служение закону и совести или стихия беззакония и коррупции

Сидоров Б.В.

Доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Исследуется актуальнейшая проблема судейского усмотрения в его соотношении с правосознанием и нравственностью, законом и совестью; обосновывается необходимость разумного использования категории «усмотрение» в сфере уголовного правосудия; подвергается обоснованной критике наметившаяся в последние годы тенденция к непродуманному расширению судейского усмотрения в российском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, чреватая созданием в отечественном правосудии обстановки, благоприятствующей нарушениям принципов законности и справедливости, носящим коррупционный характер.

Ключевые слова: закон, справедливость, совесть, судейское усмотрение, коррупция, преступление, наказание, категории преступлений, суд, правосудие, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

**Кто будет предотвращать злодеяния,
если тот, кто обязан бороться, с пороками, сам им подвержен?
Афоризм древнего мира**

Проблема судейского усмотрения, его природа, пределы при принятии решения по конкретному делу весьма актуальна. Определить правовые и нравственные механизмы его ограничения означало бы открыть универсальный способ осуществления правосудия.

Усмотрение – это основа внутреннего убеждения личности судьи как человека и гражданина, который, исходя из прочно сложившегося у него взгляда или мнения делает выводы, принимает решение по каждому делу, которое находится у него на рассмотрении.

С помощью усмотрения он оценивает доказательства, руководствуясь при этом законом и совестью (ст. 17 УПК РФ).

«Правосудие» или «правый суд» есть вынесение справедливого решения или справедливое решение спора на основе знания судьей или судьями того, что, с точки зрения права и высокой нравственности, является справедливым, необходимым и позитивным. При этом важно следовать тому непреложному правилу, которое сформулировал мудрец Древней Эллады Пифагор из Самоса: «Чтобы о тебе ни

думали, делай то, что ты считаешь справедливым». Безусловно, необходимо, чтобы это было действительно справедливо, а значит, правильно и полезно. В своём наказе «Властителям и судиям» первый в истории России министр юстиции Г.Р. Державин говорил: «Ваш долг: законы сохранять, на лица сильных не взирать».

Качество принимаемых судом решений зависит не только от профессионализма, хорошего знания закона, но и от правовой культуры, а также нравственного сознания носителей судебной власти, иными словами, от «правосознания» судей. Сейчас особенно остро чувствуется необходимость не только в совершенствовании материального и процессуального законодательства, но и кардинальном «реформировании» правосознания судей, их отношения к правоприменительной практике. Вполне понятно, что там, где невозможно обратиться за указанием и разъяснением к законодателю, открывается простор для судейского усмотрения.

Судейское усмотрение может и должно формироваться лишь на основе объективной оценки матери-

алов конкретного дела с позиции закона и исходя из той нравственной ответственности, как её чувствует и понимает судья перед обществом, другими людьми. Во всех этих случаях, как говорил М.Т. Цицерон, «нашим свидетелем является... наша совесть».

Устранить опасность субъективизма и произвола возможно только путём введения судьейского усмотрения в рамки определённых правовых ограничений: процедурных и материальных. При этом необходимо соблюдать и нравственные критерии судьейского усмотрения, которые не прописаны в процессуальных нормах, то есть использовать его разумно, справедливо и мотивированно.

Иными словами, в правосудии важно соблюсти не только букву, но и дух закона, ибо, как полагал М.Т. Цицерон, «наибольшее несправедливое там, где царит только буква закона» [цит. по: 1]. Формально правильное применение норм права не должно превращаться в несправедливость. Поэтому едва ли можно согласиться с В.В. Путиным, по мнению которого «следование букве закона не противоречит демократическим формам правления» [2].

Там, где усмотрение возобладало над «правилами деятельности» суда (судей и(или) присяжных заседателей), закон и совесть часто уступают место беззаконию, личному или групповому интересу, эгоизму и равнодушию. Неразумное расширение судьейского усмотрения даже в рамках закона раскрывает свободные ниши в деятельности судей и присяжных заседателей, расширяет возможности для произвола и коррупции. Осуществление правосудия в установленной форме, создание в связи с этим необходимых условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и предоставленных им прав, а также справедливое исследование формулы предъявленного обвинения в уголовном судопроизводстве, – все эти задачи суда могут оказаться неразрешимыми.

Основная надежда, которую сохраняет человек, столкнувшийся с судебной машиной, – это надежда на справедливость. К сожалению, часто эта надежда не оправдывается. Судебная система обладает огромной властью, особыми, большими полномочиями в «новой» реформированной России. Вот почему закон и совесть должны сдерживать своеволие, определившееся как усмотрение судей или присяжных заседателей при разрешении конкретных уголовных дел, конечным результатом деятельности которых должно стать достижение истины и справедливости. «Назовите мне степень власти того или иного лица, – убеждённо говорил К. Гельвеций, – по этой степени я могу заключить о его справедливости» [3]. Исходя из опыта веков, Ш. Монтескье вполне резонно утверждал: «Всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею». От личности судьи не должно многое зависеть, а главное – существо принимаемого решения, его законность и справедливость. Не очень оптимистично

в связи с этим звучит оценка российской судебной системы в устах В.В. Путина, который, в частности, заявил, что в нашей судебной системе «всё в значительной степени зависит от личности судьи, который решает эти вопросы. Разные люди есть, в том числе и в судебной системе» [2]. Эту «разность» и «значительную степень» влияния «личности судьи» в судебной системе необходимо максимально минимизировать путём усиления влияния закона и ослабления произвола и нравственной деформации в судьейском усмотрении.

Соблюдение процессуальных ограничений и этики в процессе, здравомыслие – безусловные требования ко всем участникам судопроизводства. Однако ненадлежащее применение усмотрения наиболее чревато нарушением прав личности, охраняемых Конституцией Российской Федерации.

Крайне ненормально, что в нашем обществе сложилась презумпция виновности судей: их обвиняют в несправедливости, правовой небрежности, произволе и коррупционности. Очевидно, не напрасно. «Не бывает», как говорят, «дыма без огня».

Не удивительно, что у части нашего судьейского корпуса закружилась голова от той большой степени власти, которая на них обрушилась с судебной реформой, проведённой по «американскому» образцу» с учётом не всегда лучших демократических традиций.

Так, после «суда линча» в США, безусловно, прогрессивным можно было считать «суд присяжных» – «судей из народа», не обладающих юридическими познаниями, необходимыми для решения вопросов о «виновности» подсудимых, о «доказанности их вины» в содеянном, о том, «заслуживают ли они снисхождения или нет» и т.п. Но в наше цивилизованное время, когда «присяжные заседатели» своим «вердиктом» предрешают, по сути, приговор «коронных» судей, – ситуация в уголовном судопроизводстве очень напоминает ситуацию отсталости и неуправляемости процессом борьбы с преступностью. Надо также учесть слабости и незащищённость этих «судей из народа», их боязнь и уступчивость перед угрозами организованной преступности, их податливость соблазнам «больших денег». На наших глазах, благодаря оправдательным вердиктам присяжных заседателей, от уголовной ответственности освобождаются опасные преступники, вина которых доказана органами предварительного расследования. На свободу выходят «воры в законе», преступные «авторитеты», убийцы, крупные мошенники, коррупционеры и бандиты.

Судьи – должностные лица судебной системы, получили важные полномочия, которые ранее они делили с прокуратурой. Сейчас сдержек и противовесов суду никаких нет. Санкционируя арест подозреваемого или обвиняемого, давая санкцию на обыск и т.п., суд как бы предрешает вопрос о вино-

ности этих лиц, немало связывая себе этим руки. Но хозяин, как говорится, барин. Кто ему в дальнейшем укажет на ошибку, если не он сам.

Замещение должности судьи, отстранение от должности, привлечение к дисциплинарной или, тем более, к уголовной ответственности судей – всё это в руках судейского сообщества, которое трудно не заподозрить в преувеличенной защите своих корпоративных интересов.

Независимость судей любой ценой, даже ценой потери связи с народом, проживающим на обслуживаемой ими территории, – это существенное отступление от прежних демократических традиций. Два с лишним десятилетия назад, как известно, судьи и народные заседатели избирались народом соответствующей территориальной единицы и периодически перед ним отчитывались. При этом избиратели могли даже отозвать судью с должности, как, впрочем, и депутата любого уровня вплоть до парламента страны. Сейчас судейский корпус стал системой «неприкасаемых» должностных лиц с особыми полномочиями, делить которые ни с кем не собирается и отчитываться ни перед кем, кроме судейского начальства, также не должен. Тут поневоле возмнишь о себе бог знает что.

Более того, законодатель сам шаг за шагом отдаёт некоторые полномочия суду, расширяя его усмотрение порой даже там, где это вредит эффективности и единообразию политики борьбы с преступностью.

Либерализация и гуманизация ответственности и наказания в такой напряжённой криминогенной обстановке, когда преступность в стране растёт и качественно усугубляется, а наиболее опасные её виды и формы приобретают системный характер, когда коррупция, приобретшая в сфере правосудия особое влияние и разрушительную силу, выглядит как последовательная политика поощрения «свободного творчества» судебной власти, доходящего до произвола и злоупотреблений.

Так, в Федеральном законе от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (март 2009 г.) [4] основной акцент был сделан на устранение нижнего предела санкций в виде лишения свободы, ареста, ограничения свободы и исправительных работ. Законодатель отказался от нижних пределов санкций даже за ряд тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе преступлений против жизни и здоровья и против собственности, сохранив нижний предел санкций лишь в отношении таких, например, особо тяжких преступлений, как убийство (ст. 105-106 УК), похищение человека (ст. 126 УК), незаконное лишение свободы (ч.ч. 2 и 3 ст. 127 УК), торговля людьми (ч.ч. 2 и 3 ст. 127.1 УК), использование рабского труда (ч.ч. 2 и 3 ст. 127.2 УК), изнасилование (ст. 131 УК), насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК), вовлечение несовершенно-

летних в совершение преступления (ч.ч. 3 и 4 ст. 15 УК), грабёж (ч. 3 ст. 163 УК) и некоторые другие преступления [5]. Подобное «расширение пределов судейского усмотрения до границ правовой анархии не прибавит авторитета судебной власти в глазах населения» [6, с. 23] и не придаст приговорам суда более объективный и справедливый характер. Рассматривая, например, два одинаковых (по правовой квалификации) опасных преступления судья получит законную возможность наказать одного из преступников «на полную катушку» (до верхнего предела санкции статьи), а другого – «пожалеть» и назначить ему наказание как за преступление небольшой или средней тяжести.

Наличие столь широких границ судейского усмотрения при назначении наказания недопустимо именно потому, что это нарушает принцип равенства граждан перед законом и судом и тем самым – принцип справедливости, не только её уравнивающую сторону (функцию), но и распределительную, согласно которой наказание должно соответствовать прежде всего характеру и степени общественной опасности преступления (ст. 6 УК), лежащих в основе распределения преступлений на категории по их тяжести (ст. 15 УК). Странно прежде всего то, что отмена нижних пределов санкций статей Особой части УК затронула тяжкие и особо тяжкие преступления, хотя ведущие политики страны обещали народу этого не делать. Теперь легально даже за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК), являющееся нередко завуалированным убийством, суд может назначить два месяца лишения свободы.

В случаях, когда преступление отнесено законодателем к категориям особо тяжкого или тяжкого суд должен быть лишён легальной возможности назначить виновному за такого рода преступления мягкое наказание как за преступления небольшой или средней тяжести. Достаточными инструментами дифференциации (справедливого распределения) уголовной ответственности и индивидуализации наказания являются существующие и поныне, нередко применяемые варианты альтернативного уголовно-правового воздействия: различные виды освобождения от уголовной ответственности или наказания более мягкого, чем предусмотрено законом, и некоторые другие.

С применением настоящего Закона судьи получили законное основание применять одинаковое наказание и к «простому» воришке (ч.ч. 1 и 2 ст. 158 УК), и к опасному («матерому») вору (п. «в» ч. 3 или п. «б» ч. 4 ст. 158 УК). То же можно сказать и относительно наказания мошенников (ст. 159 УК), грабителей (ч.ч. 1 и 2 ст. 161 УК) и некоторых других расхитителей. Но подобные преступления составляют в структуре преступности заметное большинство.

Недопустимым, на наш взгляд, расширением судейского усмотрения является также дополнение ч. 6 ст. 15 УК РФ, согласно которому «суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления...» [5]. А ведь распределение преступлений по категориям их тяжести предопределяет возможности и основания назначения вида и меры наказания, вида исправительного учреждения при назначении лишения свободы, условного осуждения и условно-досрочного освобождения, освобождение от уголовной ответственности и наказания, применения амнистии и помилования и др. Как можно всё это отдавать на субъективное усмотрение суда?

Проводя такую близорукую уголовную политику, власть рискует не снижением, а ростом корыстной и корыстно-насильственной преступности, в том числе коррупции в судейской среде и во всей правоохранительной системе. Согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [7], акты (проекты актов), устанавливающие необоснованно широкие пределы для правоприменителя, должны рассматриваться как содержащие «коррупционные факторы».

К сожалению, «коррупционные факторы» в наибольшей мере проявляются именно в системе уголовно-правового противодействия коррупции.

Стало очевидным, что коррупция превратилась в способ существования миллионов людей, как бы в повседневную норму жизни, в системное зло, с которым необходимо бороться также системно, последовательно и непримиримо, чтобы оно не подчинило себе окончательно государство, общественную идеологию и людей. Складывается ситуация, в которой «всякий, имеющий власть, стремится ею злоупотреблять» [8, с. 322].

Каждый россиянин платит «коррупционный налог», скрытый в цене на продукты питания, товары первой необходимости, проезд на транспорте, коммунальные услуги, строительство и ремонт жилья и дорог, услуги медицины и образовательной сферы. Такая модель преступного поведения, по словам видного американского профессора Эдвина Шура, «есть цена, которую мы вынуждены платить за ту структуру нашего общества, которую мы создали сами» [9, с. 24].

По словам С.Г. Келиной, в течение многих лет суды в Российской Федерации по $\frac{3}{4}$ приговоров выносили должностным лицам за получение взяток наказание ниже низшего предела, предусмотренного уголовным законом. Например, по ч. 1 ст. 290 УК РФ к лишению свободы приговорено 165 из 553 осуждённых за это преступление [10].

По данным Виктории Авербух, судом наказываются, в лучшем случае, только каждый десятый из выявленных взяточников [11].

За получение взяток, по мнению В. Лебедева и А. Беликова, осуждаются в основном «мелкие» коррупционеры: врачи, преподаватели, милиционеры (полицейские), хотя, по неофициальной статистике, самый высокий удельный вес и размер взяток у представителей административно-политической системы власти и правоохранительной системы, которые стали «неприкасаемыми» [12] по факту и (или) по закону.

В ст. 19 Конвенции Совета Европы 1999 г. «Об уголовной ответственности за коррупцию», ст. 30 Конвенции ООН 2003 г. «О противодействии коррупции», ст. 3 Конвенции ООН 1997 г. «По борьбе с подкупом должностных лиц иностранного государства» и некоторых других международных нормативных правовых актах, которые не только подписала, но и ратифицировала Российская Федерация, подчёркивается необходимость такого наказания за коррупционные преступления, которое «должно быть эффективным, соразмерным и сдерживающим». Национальное уголовное законодательство с учётом тяжести этих преступлений должно предусматривать «суровое наказание, включающее, прежде всего, лишение свободы, достаточное для обеспечения эффективной взаимной помощи и выдачи преступников» [13]. В ст. 34 Конвенции ООН «Против транснациональной организованной преступности» указывается, что коррупционные преступления, прежде всего совершаемые организованной преступной группой, должны влечь наказание только в виде лишения свободы на срок не менее четырёх лет или более строгой меры наказания.

К таким мерам наказания никак нельзя отнести штраф – самый мягкий вид наказания, входящий в систему наказаний (п. «а» ст. 44 УК РФ). Очевидно, лишение свободы должно быть единственным основным видом наказания (лучше со штрафом в размере до стократного размера суммы взятки в качестве дополнительного наказания). Как альтернативное штрафу дополнительное наказание за получение взятки и ряд других коррупционных преступлений целесообразно предусмотреть в уголовном законе конфискацию имущества, восстановив этот вид наказания как таковой, а не как иную меру уголовно-правового характера. Именно таким образом отечественный законодатель даст возможность России «добиться применения эффективных, соразмерных и суровых... санкций, включая финансовые санкции» за коррупционные преступления, чего требуют от него указанные ранее международно-правовые акты [13].

Целесообразно также предусмотреть и во всех необходимых случаях назначать за коррупционные преступления в качестве дополнительного наказа-

ния также (а может быть, в первую очередь) лишение права занимать должность или заниматься определённой (вполне понятно, какой) деятельностью на срок до двадцати лет, что предусматривает ч. 2 ст. 47 УК РФ.

Сейчас, согласно санкциям ст.ст. 204, 290, 291 и вновь введённой в УК ст. 291.1 (посредничество во взяточничестве), суду предоставляется выбор между такими видами основных наказаний, как кратный по отношению к сумме взятки штраф (самый мягкий вид наказания) и лишение свободы (самый строгий вид наказания). Коррупционеры, надо полагать, не без удовольствия выберут штраф.

Санкции статей, предусматривающих ответственность за взяточничество (ст.ст. 290, 291 и 291.1 УК РФ) в действующей редакции дают широкий простор для судебной усмотрения даже при назначении наказания в виде лишения свободы. Скажем: ч. 1 ст. 290 УК — от двух месяцев до трёх лет; ч. 2 ст. 290 УК — от двух месяцев до шести лет; ч. 3 ст. 290 УК — от трёх до семи лет; ч. 4 ст. 290 УК — от пяти до десяти лет; ч. 5 ст. 290 УК — от семи до двенадцати лет; ч. 6 ст. 290 УК — от восьми до пятнадцати лет.

При выборе судом наказания за получение взятки в виде штрафа или лишения свободы либо даже в виде лишения свободы, когда между этими видами наказания или сроками лишения свободы указаны такие большие, явно несоразмерные качественные характеристики или пределы карательного воздействия, судье-мздоимцу, действующему в интересах подсудимого — лихоимца не следует опасаться подозрения в получении взятки, назначая своему «просителю» и «даропринесителю» наказание в виде штрафа или в виде лишения свободы ближе к минимальному сроку, указанному законодателем. «Даже если свято верить в кристальную честность и неподкупность судебной корпорации, — справедливо замечает А. Кибальник, — само наличие столь невероятно широких границ усмотрения при назначении наказания недопустимо именно по причине нарушения принципа равенства», которое «уже само по себе нарушает принцип справедливости» [6, с. 23-24].

Гуманность при решении вопросов ответственности и наказания допустима лишь в тех пределах, которые оставляют это решение суда или органа предварительного расследования в рамках справедливости, и должно исходить, прежде всего, из интересов жертв правонарушения. Во всём остальном все граждане должны быть равны перед законом и судом.

Уголовный закон и принятое судом решение признаются людьми как необходимые лишь тогда, когда они (закон и судебное решение) соответствуют их (людей) представлениям о справедливости, и нравственности, их взглядам на то, какими должны быть взаимоотношения власти и общества, суда и других участников уголовного процесса. По словам Гегеля,

«свобода бывает вообще там, где господствует закон, а не произвол отдельного человека» [14, с. 38].

Справедливость — своеобразный эталон соразмерности, соответствия уголовно-правовых норм и применяемых на их основе мер ответственности и наказания нормам нравственности и справедливости оценки того преступления, которое является предметом судебного разбирательства.

«Справедливость, — пишет Б. Паскаль, — должна быть сильной, а сила должна быть справедливой» [15, с. 209]. Потому так важно, чтобы сила закона реализовывалась в справедливых решениях сильной судебной власти, а не в деформированных либерализацией и гуманизацией судебных актов «милосердной» или, ещё хуже, «продажной» Фемиды. Только совесть, «рисую воображению виновника», как говорил Цицерон, «все заслуженные им наказания», может оказать предупредительное воздействие [15, с. 204]. Если не учитывать этот субъективный фактор справедливости, то ответственность и наказание утратят своё предупредительное значение и позитивное влияние на личность и социально-значимое поведение людей. Менандр считал даже, что «нравственные качества справедливого человека вполне заменяют законы» [15, с. 206].

Лишь справедливое («заслуженное») наказание способно пробудить у «виновника» «угрызения совести», а несправедливое (скажем, излишне мягкое) или безнаказанность создают условия для формирования личности рецидивиста, в том числе неисправимо коррупционной личности преступника. По мнению К. Гельвеция, «угрызения совести начинаются там, где кончается безнаказанность» [15, с. 202].

Правильное по существу определение «неотвратимости ответственности» (наказания) как основного принципа антикоррупционной деятельности в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [16], к сожалению, указывается действующей властью в явно пропагандистских целях, поскольку невозможность реализации этого принципа в сфере противодействия коррупционной преступности очевидна даже для неслыханно доверчивых людей.

Несправедливость и коррупционность в современном российском обществе разлиты повсюду. Они как несмываемая «краска стыда», а для кого — «краска славы и богатства», крепко прилипли к «неправедно богатым» и их «крыше» во власти, получившим и получающим преступные доходы в результате мошеннической приватизации, коррупции, иных жульнических махинаций, корыстных или даже корыстно-насильственных преступлений.

Давно уже не секрет, что прослойка «олигархов» и других «неправедно богатых» сложилась в нашем обществе в основном из должностных лиц и их близких, «чёрных» бизнесменов, авантюристов и пройдох различной «масти» и больших способ-

ностей. Этот «управляемый» процесс «накопления капитала» продолжается с минимальными потерями для коррупционеров и жуликов, внося в их ряды оптимизм и надежду на скорое окончание антикоррупционной компании и преследований «новых скоробогатых».

Ещё в Декларации ГА ООН «О борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях» 1996 г. говорилось о том, чтобы государства-члены «изучили возможность признания незаконного обогащения государственных должностных лиц или избранных представителей преступлением» [17]. Российские «государственные должностные лица» и «избранные представители» долго «изучали» это предложение международного сообщества и сочли его предложение для себя «невозможным». Максимальная испорченность и собственные корыстные интересы «власть имущих» оказали на них при этом, безусловно, решающее воздействие. Дураков и совестливых среди «властелюбивых», «корыстолюбивых» и «скоробогатых» оказалось, очевидно, совсем немного.

Широко известно, что в ст. 20 Конвенции ООН «Против коррупции» 2003 г., ратифицированной Россией без этой статьи, также предлагалось определить как преступление в национальном уголовном законодательстве незаконное обогащение. ООН «предлагает», а Россия в лице своих правителей и «новых господ», незаконное обогащение которых очевидно, не «располагает». Они оказались умнее той «унтер-офицерской вдовы», которая «сама себя высекла». Признание «незаконного обогащения» преступлением и изъятие у незаконного владельца излишнего имущества (по существу, его конфискация) приведёт к массовому пределу собственности, его возвращению государству (своеобразная «национализация»), что неизбежно вызовет «революционный взрыв» народных масс, заставит судебных корпус действовать не по «усмотрению», а по «закону и совести». Такой «революционный» сценарий правящий режим власти, конечно, не устраивает. Но именно он в решающей степени сделает максимально невыгодным и рискованным процесс «незаконного обогащения» коррупционеров, воров и мошенников. А им это нужно?!

Судейское усмотрение как проблема выбора из возможных вариантов должно осуществляться на принципах законности и справедливости и направлено на отыскание оптимального решения, исходя из конкретных обстоятельств и личности виновного. Оно должно находиться в границах правовой стабильности, упорядоченного развития судебной практики и отвечать нравственным началам не только уголовного процесса, но и нравственным принципам передовой части российского общества, а в субъективном смысле — совести. Надеждой на это и живёт народ. «Что самое общее для всех?» — спра-

шивал себя Фалес Милетский. И отвечал: «Надежда, ибо если у кого и ничего нет, то она есть».

Литература:

1. Кашанина Т.В. Корпоративное право (Право хозяйственных товариществ и обществ): учеб. для вузов. — М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. — 815 с.
2. Пресс-конференция Владимира Путина. — URL: http://www.1tvnet.ru/content/show/press-konferenciya-vladimira-putina-polnaya-tekstovaya-rasshifrovka_16484.html
3. <http://frazochka.ru/authors/3142.html>
4. Федеральный закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». // Российская газета. — 2011. — № 5427. — 11 марта.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации. — URL: <http://www.zakonrf.info/uk/15/>
6. Кибальник А.Г., Карпенко Д.Н. Уголовная политика: теория и практика // Общество и право. — 2011. — № 2 (34). — С. 128-131.
7. Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. — 2009. — 20 июля. — № 9. — Ст. 3609
8. <http://www.crime.vl.ru/index.php?blog=2&page=1&more=1&paged=3>
9. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. — Юрид. центр пресс, 2003. — 428 с.
10. Шур Э. Наше преступное общество / Пер. с англ. Ю.А. Неподаева. — М.: Прогресс, 1977. — 327 с.
11. Курцев А. Опубликовано 27.07.2010 г. в 17:12, обновлено 27.07.2010 г. в 17:55. — URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/502505>
12. Авербух В. Глава МВД согласен с критикой. — URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1150074> (Опубликовано 16.02.2005 г.).
13. Взятка: Статистика Верховного Суда РФ // Московский комсомолец. 01.02.2009 г.
14. Организация Экономического Сотрудничества и Развития Конвенция по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при совершении международных деловых операций. — URL: <http://www.transparency.md/content/view/145/68/1/2/lang,en/>
15. Гегель. Работы разных лет. В 2-х т. Т.2. — URL: <http://grachev62.narod.ru/hegel/chapt03.htm>
16. Энциклопедия мысли. Собрание афоризмов и изречений от древности до наших дней. Кн. 1. — СПб.: Кристалл; Респекс, 1997. — 587 с.
17. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. — 2008. — № 52 (часть I). — Ст. 6228.

Judicial Discretion: Service to Law and Conscience or Lawlessness and Corruption

B.V. Sidorov
Kazan (Volga Region) Federal University

The paper dwells upon one of the most topical problems of judicial discretion with respect to legal consciousness and morality, law and conscience. The author justifies the necessity of sensible implementation of the category of “discretion” in criminal law and criticizes the current tendency to widen the notion of “judicial discretion” in Russian criminal and criminal procedure legislation, which has resulted in contravention of the principle of rule of law and justice and corruption in domestic law.

Key words: law, justice, judicial discretion, corruption, system of justice, crime, punishment, categories of crime, court, criminal and criminal procedure legislation.

